

Политико-идеологическое взаимодействие власти и общества: теоретические аспекты проблемы (на примере Дальнего Востока 1930-х гг.)

Александр Александрович Исаев,

кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, Владивосток.
E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

Оксана Петровна Федирко,

доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.
E-mail: fedirko@ihaefe.ru

Статья посвящена изучению теоретических аспектов проблемы политико-идеологического взаимодействия власти и общества на примере Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. Выделяются основные структурные элементы, формирующие систему такого взаимодействия. Установлено, что данное взаимодействие является важнейшим процессом, определяющим соотношение мировоззренческих ориентиров его акторов и их взгляды на принципы развития страны в конкретный исторический период. Исходя из этого, цель данной статьи — анализ процесса политико-идеологического взаимодействия власти и общества с исторических, социологических, философских, политологических и психологических позиций. Реализация данной цели возможна только при рассмотрении заявленного процесса через непосредственную связь с событиями и явлениями повседневности на Дальнем Востоке СССР в 1930-е гг., иллюстрирующими теоретические выкладки. Особенности политико-идеологического взаимодействия как в стране, так и в Дальневосточном регионе были непосредственно связаны со спецификой формирования населения и с особым подходом властных структур при реализации определённых социально-экономических и политических мероприятий. Обосновано, что многие особенности политико-идеологического взаимодействия были обусловлены разницей взглядов

его акторов. Иллюзорность идеологического посыла власти далеко не всегда отражала запросы общества, вследствие чего проявлялись сложности достижения компромисса между их идейными и политическими взглядами. Власть пыталась решить данную проблему путём усиления политико-идеологического воздействия на население и привлечения всех визуальных и вербальных средств. Вместе с тем отмечается активное включение в данный процесс соответствующих помощников власти (манипуляторов) из народа, которые внедряли установки власти непосредственно внутри общества. Однако несмотря на это, многие проблемы, мешавшие эффективному развитию политико-идеологических взаимоотношений власти и общества, являлись непреодолимыми.

Ключевые слова: политико-идеологическое взаимодействие, общество, власть, идеология, Дальний Восток.

**Political and Ideological Interaction
between Government and Society: Theoretical Aspects
of the Problem (a Case Study of the Far East in the 1930s).**

Alexander Isaev, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia.

E-mail: isaev.aa@dvfu.ru.

Oksana Fedirko, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: fedirko@ihaefe.ru.

The paper is devoted to the study of theoretical aspects of the problem of political and ideological interaction between government and society on the example of the Far East of the USSR in the 1930s. The authors have identified the main structural elements that form the system of such interaction. It is revealed that this interaction is the most important process that determines the correlation of the ideological orientations of its actors and their views on the principles of the country's development in a specific historical period. Therefore, the purpose of this paper is to analyze the process of political and ideological interaction between government and society from historical, sociological philosophical, politological and psychological positions. The realization of this goal is possible only by considering the stated process through a direct connection with the events and phenomena of everyday life in the Far East of the USSR in the 1930s illustrating the theoretical calculations. The peculiarities of political and ideological interaction both in the country and in the Far Eastern region were directly related to the specifics of the formation of the population and to the special approach of the power structures in the implementation of certain socio-economic and political measures. It is proved that many features of political and ideological interaction were caused by the difference of views of its actors. The illusory ideological message of the authorities did not always reflect the demands of the society, which made it difficult

to reach a compromise between their ideological and political views. The authorities tried to solve this problem by strengthening the political and ideological impact on the population and by using all visual and verbal means. At the same time, there was an active inclusion of the relevant assistants of the authorities (manipulators) from the people, who introduced the attitudes of power directly within society. However, despite this, many problems that hindered the effective development of political and ideological relations between government and society were insurmountable.

Keywords: political and ideological interaction, society, government, ideology, the Far East.

Внастоящее время в исторической науке постепенное развитие получает подход, где основное внимание исследователя занимает человек со своими мыслями, чувствами, мнениями, суждениями, действиями и реакциями, от которых зависит сам ход всех исторических процессов. В этой связи, на наш взгляд, базовым является изучение вопросов идейно-политического взаимодействия власти и общества, которые, в свою очередь, могут быть рассмотрены не только с исторических, но и с социологических, философских, политологических и психологических позиций.

Данная проблематика лежит в поле двух тематических областей. Первая — это процессы политико-идеологического влияния (воздействия) властных структур, включающие в себя причины, формы, методы, характер и его особенности. Вторая — это реакция населения на данное влияние, которая проявлялась в действиях, высказываниях, мнениях, суждениях. При рассмотрении этих двух полей и выявлении стыковочных (скрепляющих) связей можно проследить причинно-следственные факторы, определяющие эффективность взаимодействия этих двух процессов в зависимости от целей каждого участника.

Влияние (воздействие) властных структур на население осуществляется постоянно с тех пор, как только произошла первая социально-экономическая дифференциация в обществе. Оно основывалось на определённых условиях жизни людей (группы, клана). Власть всегда была заинтересована в информации о мыслях, умонастроениях и чувствах, которое испытывает зависимое от неё население. Эта заинтересованность вытекала из необходимости формирования властью более совершенного общества. Для поддержания устойчивого положения, для эффективного и продолжительного функционирования власть вырабатывает и внедряет в общество определённую систему

ценностей и идеалов (идей), исходя из общих народных представлений о счастливой и справедливой жизни, формировавшихся на протяжении некоторого времени. Данная система ценностей и есть идейность или идеология. Особенно интересен в этом плане период 1930-х гг., характеризующийся как этап строительства социализма в СССР. Запрос на идеологическое сопровождение мероприятий, осуществляемых властью, влёт за собой, с одной стороны, складывание аппарата идеологического воздействия, поиск его оптимальных форм, методов и приёмов, а с другой стороны — реакцию на них населения, которое ещё не успело приспособиться к новым условиям взаимодействия общества и власти. Учитывая специфику развития СССР, громадную территорию, полиэтничный характер населения и т.д., мы иллюстрируем теоретические положения, изложенные в данной статье, примерами политико-идеологического воздействия на территории Дальнего Востока.

Понятие «идеология»¹, первоначально зародившись в философии, очень быстро стало играть важную роль и в других научных областях. Посредством обращения к нему стали изучаться различные сферы жизни и деятельности человека, группы, классов, народов и наций.

Теоретические аспекты идеологического взаимодействия власти и общества берут своё начало в работах французского философа Антуана Дестюта де Траси [6]. Он определял идеологию как учение об идеях, которое выступает в качестве иллюзорного сознания, оторванного от реальности и не имеющего практической ценности. Подобной позиции придерживался и К. Маркс. Вместе с тем он считал идеологию средством управления, с чьей помощью власть стремится убедить зависимое от неё население в том, что она концентрирует в себе общественный интерес. Отталкиваясь от материалистических позиций, К. Маркс заявлял, что идейность исходит из общественного и экономического положения человека, и поэтому его сознание определяет принятие одних идей и отторжение других. «Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений» [11, с. 46]. К. Марксу вторили большевики, которые в своих документах обосновывали важность и необходимость идеологической работы с населением, часто приводя примеры из собственного опыта. В документах 1930-х гг. встречаем: «Идейная и политическая закалка

¹ Идеология (от греч. *ιδέα* — идея, представление и *λόγος* — слово, учение) — система концептуально оформленных представлений и идей, которая выражает интересы, мировоззрение и идеалы различных субъектов политики — классов, наций, общества, политических партий, общественных движений.

партийных, советских и хозяйственных кадров являлась одним из важных условий успеха социалистической реконструкции народного хозяйства» [16, с. 208—209]. «Коренная и решающая задача каждой ячейки, каждого партийного комитета — охватить политическим влиянием и большевистским политическим воздействием всех рабочих данного предприятия, цеха, звена» [8]. «В условиях Дальневосточного Края марксистско-ленинское воспитание приобретает исключительное значение ввиду особой роли и значения края в социалистическом строительстве СССР... и большого разнообразия в крае национальностей» [ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 94. Л. 34].

Идеология в процессе своей реализации всегда трансформируется, а её изначальные доктринальные установки никогда полностью не воплощаются в социальную реальность. Это происходит из-за искажений, наступающих в случаях, если субъект неспособен увидеть несоответствие своих представлений действительности или когда носитель идейности намеренно обманывает других людей [10, с. 114—116]. Поскольку риск искажения велик, главным является сохранение господствующих идей, включающих в себя представления о мире, добре и зле. Для этого требуется слаженная работа всех информационно-идеологических механизмов как явного (радио, пресса, обществоведческая литература), так и неявного (кино, живопись, скульптура, художественная литература и т.п.) характера [22, с. 223]. Так, вся советская творческая интеллигенция была привлечена к работе по созданию определённых образов, которые отражали идейные устремления правящей партии. Их внедрение в массовое сознание происходило при помощи визуальных и вербальных средств политико-идеологического воздействия, которые представляли собой не только монополярный канал передачи необходимой власти информации, но и придавали ей нужную эмоционально-психологическую окраску. Из-за образного мышления, присущего большей части населения страны и её регионов, им эффективнее воспринималась визуальная идеология.

Идеологический выбор сообщества воспроизводится в историческом развитии политической силой (группой, партией), отражающей интересы данного сообщества в конкретных условиях. Её воздействие определяет организацию социальных отношений, влияет на стабильность социума и ликвидирует любое проявление девиации [2; 12]. Соответственно, идеологическое воздействие является неотъемлемой частью контроля власти над обществом. Для этого власть разрабатывает определённый идеологический проект, где формулирует необходимые ей цели, задачи и стремления, которые в дальнейшем внедряются в массовое сознание как программа грядущего [4].

Посредством данного воздействия власть старается оправдывать свои притязания на доминирование с целью реализации социально-экономических и политических замыслов. В этом случае идеология и политика, становясь неразрывно связанными, выступают в качестве особого вида убеждений населения, часто не требующих рационального обоснования («на веру») [3]. При этом так люди воспринимают только те положения, которые отражают его собственные ожидания и интересы. Именно они, трансформируясь из убеждений человека в ранг системы идейно-политических представлений, предрасполагают его к действию, нацеленному на осуществление признанной им наилучшей формы общественного устройства. Благодаря этому происходит постепенное вживание индивидуума в систему политического реализма, в которой политические факторы выступают в форме объединения идей и действий, её реализующих. Властные структуры в СССР, как на общесоюзном, так и на региональном уровне, активно использовали частные явления в ходе жизнедеятельности человека как части общества для выстраивания и корректировки государственной политико-идеологической системы в конкретных условиях в определённое время. Таким образом, власть стремилась соотнести сопряжение индивидуальных мнений, настроений и действий с заданным ею общественным политико-идеологическим макроисторическим контекстом. Целью данного контекста являлось направление устремлений, идей и инициатив граждан в нужную для власти сторону — на поддержку и продвижение в жизнь всех мероприятий советского политического руководства.

Восприятие идеологии населением зависит от правильного соотношения теоретических установок и практических действий субъекта. Эффективность восприятия обусловлена настроением объекта и происходящими вокруг событиями. Часто успех напрямую зависит от правильного выявления настроений человека, коллективов, групп и общества в конкретный исторический период. Это означает, что восприятие выступает важнейшим средством взаимосвязи идеологии и общественной психологии [20, с. 143]. В связи с этим для эффективности внедрения идейной установки главным является постоянное развитие и поддержание определённых стереотипов, содержащих в себе комплекс эмоций, чувств и переживаний человека. Власть воплощает стереотип в форму кратких, обязательно выразительных (эмоциональных) призывов и лозунгов, максимально понятных всем слоям населения [21, с. 1496]. В этом случае устойчивое положение, так необходимое власти, зависит от механизмов внушения и убеждения населения

в правильности имеющихся лозунгов или в неправильности идейных установок противника. На местах этим занимались исполнители-манипуляторы, которые отождествляли себя с народом, говорили с ним на одном языке (общие слова, речевые обороты, фразы и понятия) и, используя различные вспомогательные средства (символы, надписи, униформу, песнопения), создавали необходимую обстановку силы [5, с. 116]. Ощущая поддержку власти, манипуляторы в крайних случаях (при необходимости) стремились вызвать у людей страх (потери жизни, имущества и т.д.), который воспринимался ими на сознательном и подсознательном психологическом уровне и тем самым являлся легко внедряемым [9]. Таким образом, наблюдалось стремление перенести систему ценностных (идейных) ориентиров, воплощённую в определённую эмоционально-психологическую составляющую, на всех членов коллектива. Именно коллектива, поскольку данная система более властна над группой людей (обществом) [14], ведь в ней происходит замена «я» на групповое «мы». Так на смену индивидуально-психологическому фактору приходят общественно-психологические, отражающие настроения социума. Те же, кто полностью не поддерживает идейные установки власти и их сторонников и не имеет в своём арсенале необходимых средств к сопротивлению, вынуждены приспособливаться к данной системе. В значительной степени это проявляется на инстинктивном уровне. Как правило, люди с подобной позицией предпочитали не выражать её публично. Она исходила от граждан со значительным интеллектуальным потенциалом или жизненным опытом, поскольку нейтральность вырабатывалась благодаря аналитическим просчётам вероятности целей, методов, результатов и последствий какого-либо мероприятия. Правильность сделанных выводов помогала им уйти от определённой ответственности и получать от жизни различные моральные и материальные блага в конкретных условиях времени и места.

В значительной степени процесс приспособления происходит вследствие развития у большей части представителей общества проявлений так называемой потребительской психологии, которая формируется под влиянием обыденного (повседневного) сознания. Последнее включает в себя социально-экономические, политические, духовные, культурные и другие аспекты жизнедеятельности человека, а степень проявления потребительства зависит от условий существования, взглядов, позиций, сформированных современными переживаниями и наложенных на опыт прошлого. Именно переживания (эмоциональное состояние) выступают как базовый элемент, от которого зависят действия или бездействие человека

и общества. Они порождают определённые настроения, связанные с разными фазами борьбы за осуществление тех или иных надежд и чаяний, помыслов и замыслов. Сами настроения не являются стабильной категорией, они характеризуются импульсивностью и мимолётностью, которые далеко не всегда приводят к объективным и адекватным результатам. Однако если настроения имеют некоторую устойчивость, обусловленную поддержкой большей части населения, они способны вырасти в некую идейность, которая в зависимости от вектора (направления) трансформируется в созидательную или разрушительную силу. По мнению Б.Д. Парыгина, «огромная побудительная сила настроения и вместе с тем его податливость всякому воздействию позволяет использовать настроение как главное звено для перестройки всего внутреннего мира человека» [15, с.119]. Так, многочисленные мероприятия социально-экономического (массовое переселение, нормированное снабжение и отказ от него, налоговые и натуральные льготы, запрет аборт, развитие ударничества, стахановского движения, повышение трудовой дисциплины и др.) и политического (праздничные мероприятия, введение новой Конституции, борьба с политической оппозицией и др.) характера, составляющие процесс социалистической модернизации, использовались властью для формирования у населения страны необходимого настроения. Соответствующий окрас им придавался благодаря помощи агитационно-пропагандистских кадров, которые проводили политико-идеологическую работу среди людей. В этих условиях большая часть населения считала, что власть осуществляет правильные и необходимые мероприятия, отражающие общественные интересы и направленные на создание всеобщего блага. Всех сомневающихся они относили к врагам, которые препятствуют созданию справедливого общества. Развивая данную мысль, власть получала у людей поддержку своих действий, в том числе карательных, направленных против критически настроенных к ней граждан. Без этой поддержки власть не могла проводить в жизнь задуманное, поскольку она являлась залогом существования самой власти.

В свою очередь настроения часто воплощаются в мнения и суждения, которые проявляются в форме действий или высказываний. Мнение — более устойчивая категория, чем настроение, поскольку базируется не только на эмоциях, но и на дополнительной предметной информации, которая закрепляет или ликвидирует эмоции. По словам Д.Ю. Зубарева, «мнения основываются на существующих в сознании (людей, групп и общества. — А.И.) представлениях. Представления об объекте базируются на знаниях различной глубины — от поверхностных

(наивных) до фундаментальных (экспертных). Часть этих представлений мыслятся индивидом в категориях „плохо — хорошо“, имеют эмоционально-чувственную окраску, они и выступают мнениями. Иначе говоря, бывают представления без мнений, но не бывает мнений без представлений» [7, с. 76].

В многочисленных донесениях как партийных, советских, так и специальных органов власти на Дальнем Востоке отмечалась стойкая поляризация мнений граждан вокруг внутривнутриполитических и внешнеполитических событий, информация о которых была доступна широкой общественности. Особо активно мнения населения проявлялись в ходе социально-экономических и политических событий и мероприятий. Значительная их часть, вследствие отсутствия полноты дополнительной информации о событии или факте, основывалась на жизненном опыте людей. Исходя из этого, перед партийными организациями ставилась задача постоянного повышения эффективности качества политико-идеологической работы, в ходе реализации которой необходимо было активно выявлять мнения, суждения и настроения населения с целью их изменения в нужную для власти «правильную» сторону.

Мнение общества обладает значительной силой, активно влияющей на социально-экономические и политические процессы. Оно может испытывать периодические изменения, поскольку зависит от состояния самого общества, а «общество — это отнюдь не целостная сущность, а многоуровневое, внутренне связанное направление процессов» [23, с. 86]. Многоуровневость общества и человека как его единицы проявляется в ходе постоянной трансформации взаимодействий. Их частота зависит от восприятия тех или иных ценностных ориентиров, выдвигаемых в ходе развития политических процессов. В то же время удовлетворение и обеспечение интересов одной общественной группы всегда предполагает наличие противоположной группы с иными определениями ценностных ориентиров. Контактные взаимодействия групп по поводу воспроизводства и распределения власти происходят на идеологическом поле через механизмы обоснования. Возникающие при этом поводы для конфликтов, напряжённости либо другие формы взаимодействия и связей групп оказывают значительное влияние на содержание политических процессов [18, с. 80]. Так, в частности, в ходе обсуждения планов социалистической модернизации страны (1927—1929) поддержку получила модель, выдвинутая И.В. Сталиным. В политическом плане она исходила из неизбежности обострения классовой борьбы и необходимости укрепления партийно-государственной системы (окончательного сращивания партийного и государственного

управления), так как бюрократия, прежде всего партийная, желала сохранить в своих руках рычаги власти во всех сферах жизни. Уже на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 г. [17, с. 7—49] в ходе осуждения группы Бухарина как «правых оппортунистов» была выбрана административно-командная система управления экономикой, а по сути — всеми сферами жизни общества.

Таким образом, политико-идеологическое взаимодействие власти и общества в определённый исторический период, по существу, представляется как процесс обмена символическими смыслами (в нашем случае политическими ценностями или ценностными системами) между объектом и субъектом политического процесса. В течение последнего происходит создание так называемого символического образа (поля), в основе которого находится компромисс идей объекта и субъекта взаимодействия, имеющий довольно нестабильное положение, но обладающий единой сущностью — ценностным пространством. При таком подходе идеологическое поле может меняться, а символическое поле способно сохраниться и будет обеспечивать актуальную трактовку явлений и сути происходящего [19, с. 96—97].

Постоянный поиск компромисса между властью и обществом и определяет весь характер их взаимодействия. В нашем случае в качестве поля, на котором происходит данное взаимодействие, выступает политико-идеологическая сфера. С одной стороны, на этом поле власть стремится подчинить человека (общество) своим интересам, для чего она реализовывает весь спектр форм, методов и подходов политико-идеологического воздействия. Одновременно с другой — общество воспринимает либо критикует данное воздействие, стремясь добиться от власти улучшения и совершенствования условий своей повседневной жизни и защиты своих интересов. Каждую сторону процесса взаимодействия представляет человек, однако если человек-власть, стремясь подчинить человека-обывателя, использует разнообразные механизмы давления и не имеет ограничений в своих действиях (порой может выходить за рамки закона или трансформировать его по своему усмотрению), то человек-обыватель вынужден функционировать в определённых (и очень ограниченных) рамках. Он также может преступить закон, но только в случаях, когда правовые методы борьбы исчерпаны либо не действуют. И здесь уже срабатывает состояние аффекта, при котором человек не всегда отдаёт себе отчёт в своих действиях и поступках для достижения определённой цели [1; 13; 24].

Человек-власть обладает большими возможностями, поскольку за ним стоит государственный аппарат, имеющий

в своём арсенале незыблемые установки (догмы), которым должен следовать каждый человек-обыватель. В случае отказа последний объявляется изгоем (инакомыслящим, идейным противником) и изолируется, поскольку несёт в себе определённую угрозу установленному порядку вещей в социуме в конкретных исторических условиях. Однако роли человека-обывателя и человека-власти непостоянны и могут меняться в зависимости от политической и социально-экономической конъюнктуры. Им обоим свойственны такие общие качества, как приспособление к той или иной системе и так называемая потребительская психология — стремление к получению от жизни различных моральных и материальных благ в конкретных условиях. Всё это также относится ко всем частям социума, от которых выступают человек-власть и человек-обыватель.

Каждый человек получал, воспринимал, анализировал, синтезировал информацию и на базе этого вырабатывал определённый настрой, преобразующийся в субъективное мнение и суждение, которые порой не соответствовали официальным идеям. Жизненный опыт часто демонстрировал человеку оторванность его идейных принципов от реальных условий. Однако сила веры в лучшее, в построение идеального и справедливого общественно-политического строя или желание приспособиться к существующим обстоятельствам стимулировали его принимать установки властей.

Таким образом, воздействуя на общественную психологию посредством внедрения идейных установок, властные структуры создавали в обществе своеобразную систему, которая занималась определённой нивелировкой личности, изменением её психологической основы, которая должна была соответствовать общественным установкам. Однако, как показывала практика, погасить такие проявления было невозможно, поскольку каждый человек имел своё индивидуальное психологическое устройство. В 1930-е гг. особенно это проявилось в Дальневосточном регионе, который обладал целым рядом особенностей, связанных со спецификой развития и формированием отношений «власть — общество». Во-первых, он был одним из самых молодых в составе Российской империи (вошёл в середине XIX в.), а в составе Советской России — только с 1923 г. в связи с поздним окончанием Гражданской войны. Это объясняет его административное обособление и сложившуюся практику адаптации к местным условиям системы управления и приёмов администрирования. Во-вторых, исторически сложившаяся стратегия развития Дальневосточного региона предусматривала зависимость от привлечения населения из других районов страны, а любая перемена места жительства, как известно,

влечёт за собой необходимость адаптации к условиям новой малой родины. В условиях массовых, в том числе принудительных, миграций 1930-х гг., когда регион был превращён в огромный трудовой лагерь, доверие к властям было крайне низким, хотя политическая активность населения оставалась всё же достаточно высокой. Вместе с тем данная территория являлась прибежищем для тех, кто по различным, в том числе политико-идеологическим, причинам покидал центральные районы страны. Нередко эти люди были против советской власти, тем самым представляли для неё большую опасность. Это в значительной степени способствовало ужесточению отношения власти к обществу и являлось причиной социальных чисток и политических репрессий. В-третьих, крестьянство Дальневосточного региона являлось основным поставщиком рабочих кадров для промышленности и транспорта, что, в свою очередь, приносило в эти сферы крестьянскую психологию — упорство в достижении результата, надежды на собственные силы, ориентацию на труд и отказ от политической демагогии. В-четвёртых, позднее включение региона в индустриальное развитие и относительная слабость промышленного потенциала в конце 1920-х — начале 1930-х гг. предопределили меньший удельный вес рабочего класса, что также оказало значительное влияние на общий социально-психологический климат населения Дальнего Востока. В-пятых, Дальневосточный регион рассматривался советским руководством как окраина, как часть сырьевой базы, как регион неприоритетного развития по сравнению с европейской территорией или Западной Сибирью. В результате капитальные вложения в социально-экономическую, культурную и бытовую сферы Дальневосточного региона были значительно меньше, чем в среднем по стране. Это приводило к критическим проявлениям среди населения и влияло на общий процесс политико-идеологического взаимодействия власти и общества в регионе.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аболин Л.М. Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. 261 с.
2. Арон Р. Опий для интеллигенции / пер. с фр. Мюнхен: Центр. об-ние полит. эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), 1960. 240 с.
3. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908. URL: <https://bekhterev.net/modules/articles/article.php?id=29> (дата обращения: 24.08.2022).

4. Гайденок П.П. Ортега-и-Гассет Х. и его «Восстание масс» // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 155—169.
5. Гуревич П.С. Буржуазная идеология и массовое сознание. М.: Наука, 1980. 368 с.
6. Дестют де Траси А.-Л.-К. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова / пер. с фр. Д.А. Ланина. М.: Акад. Проект: Альма Матер, 2013. 333 с.
7. Зубарев Д.Ю. Общественное мнение: дискуссия о дефиниции // Армия и общество. 2014. № 3 (40). С. 75—80.
8. Каганович Л.М. О проведении массовых политдней на предприятиях, новостройках, в колхозах, совхозах и жактах (шахтах). Об организации подготовки и переподготовки агитмассового актива. Пермь, 1932. 42 с.
9. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2015. 239 с.
10. Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы / пер. с англ., нем, фр. и др. яз.; сост. предисл. и общ. ред. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 113—169.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3. С. 7—544.
12. Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы / пер. с англ., нем, фр. и др. яз.; сост. предисл. и общ. ред. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 79—97.
13. Никифоров А.С. Эмоции в нашей жизни. М.: Советская Россия, 1974. 269 с.
14. Поршнев Б.Ф. Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества) // Историческая психология и социальная история. 2010. Т. 3. № 2. С. 185—219.
15. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М.: Наука, 1979. 213 с.
16. Постановление ЦК ВКП(б) «О задачах партпросвещения» от 13 сентября 1930 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). В 16 т. Т. 5. 1929—1932. М.: Политиздат, 1984. С. 208—209.
17. Резолюция пленума ЦК ВКП(б) 10—17 ноября 1929 г. // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). В 16 т. Т. 5. 1929—1932. М.: Политиздат, 1984. С. 7—49.
18. Скочилова В.Г. Идеология в политическом процессе современной России // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 76—85.
19. Скочилова В.Г. Символические структуры политической идеологии в ценностном измерении // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 3 (19). С. 93—102.
20. Уледов А.К. Общественная психология и идеология. М.: Мысль, 1985. 272 с.
21. Хомяков С.В. Советская идеология и феномен социалистического человека // В мире научных открытий. 2015. № 5.4 (65). С. 1489—1498.
22. Шалин В.В., Гринь М.В. Феномен идеологии в макросоциологическом рассмотрении // Теория и практика общественного развития. 2014. № 21. С. 220—224.

23. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер. с англ., под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
24. Якобсон П.М. Психология чувств и мотиваций / под ред. Е.М. Борисовой. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 304 с.
25. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).

REFERENCES

1. Abolin L.M. *Psikhologicheskie mekhanizmy emotsional'noy ustoychivosti cheloveka* [Psychological Mechanisms of Human Emotional Stability]. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta Publ., 1987, 261 p. (In Russ.)
2. Aron R. *Opium dlya intelligentsii* [Opium for Intelligentsia]. Translation from Fr. Myunkhen, Tsentr. ob-nie polit. emigrantov iz SSSR (TsOPE) Publ., 1960, 240 p. (In Russ.)
3. Bekhterev V.M. *Vnushenie i ego rol' v obshchestvennoy zhizni* [Suggestion and Its Role in Public Life]. Saint Petersburg, 1908. Available at: <https://bekhterev.net/modules/articles/article.php?id=29> (accessed 24.08.2022). (In Russ.)
4. Gaydenko P.P. Ortega-i-Gasset Kh. i ego «Vosstanie mass» [Ortega y Gasset H. and His “Uprising of the Masses”]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 4. pp. 155—169. (In Russ.)
5. Gurevich P.S. *Burzhuaznaya ideologiya i massovoe soznanie* [Bourgeois Ideology and Mass Consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1980, 368 p. (In Russ.)
6. Destyut de Trasi A.-L.-K. *Osnovy ideologii. Ideologiya v sobstvennom smysle slova* [Fundamentals of Ideology. Ideology in the Proper Sense of the Word]. Translation from Fr. by D.A. Lanin. Moscow, Akad. Proekt: Al'ma Mater Publ., 2013, 333 p. (In Russ.)
7. Zubarev D.Yu. Obshchestvennoe mnenie: diskussiya o defnitsii [Public Opinion: Discussion about the Definition]. *Armiya i obshchestvo*, 2014, no. 3 (40), pp. 75—80. (In Russ.)
8. Kaganovich L.M. *O provedenii massovykh politdney na predpriyatiyakh, novostroykakh, v kolkhozakh, sovkhozakh i zhaktakh (shakhtakh). Ob organizatsii podgotovki i perepodgotovki agitmassovogo aktiva* [On Holding Mass Political Days at Enterprises, New Buildings, Collective Farms, State Farms and Mines. On the Organization of Training and Retraining of the Mass-Propaganda Asset]. Perm', 1932, 42 p. (In Russ.)
9. Lebon G. *Psikhologiya narodov i mass* [Psychology of Peoples and Masses]. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2015, 239 p. (In Russ.)
10. Mangeym K. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie. Antologiya zarubezhnoy literatury* [Utopia and Utopian Thinking. Anthology of Foreign Literature]. Translation from Eng., Ger., Fr. and other languages; comp. foreword and general ed. by V.A. Chalikova. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 113—169. (In Russ.)
11. Marks K., Engel's F. Nemetskaya ideologiya [German Ideology]. Marks K., Engel's F. *Sochineniya* [Essays]. 2nd edition. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955, vol. 3, pp. 7—544. (In Russ.)
12. Memford L. Mif mashiny [The Myth of the Machine]. *Utopiya i utopicheskoe myshlenie. Antologiya zarubezhnoy literatury* [Utopia and Utopian

- Thinking. Anthology of Foreign Literature]. Translation from Eng., Ger., Fr. and other languages; comp. foreword and general ed. by V.A. Chalikova. Moscow, Progress Publ., 1991, pp. 79—97. (In Russ.)
13. Nikiforov A.S. *Emotsii v nashey zhizni* [Emotions in Our Life]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1974, 269 p. (In Russ.)
 14. Porshnev B.F. *Kontrsuggestiya i istoriya (elementarnoe sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie i ego transformatsiya v razvitiy chelovechestva)* [Counter-Suggestion and History (Elementary Socio-Psychological Phenomenon and Its Transformation in the Development of Mankind)]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsial'naya istoriya*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 185—219. (In Russ.)
 15. Porshnev B.F. *Sotsial'naya psikhologiya i istoriya* [Social Psychology and History]. 2nd edition. Moscow, Nauka Publ., 1979, 213 p. (In Russ.)
 16. *Postanovlenie TsK VKP(b) «O zadachakh partprosveshcheniya» ot 13 sentyabrya 1930 g.* [Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) “On the Tasks of Party Enlightenment” of September 13, 1930]. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898—1986)* [The CPSU in Resolutions and Decision of Congresses, Conferences and Plenary Sessions of the Central Committee (1898—1986)]. In 16 vol., vol. 5. 1929—1932. Moscow, Politizdat Publ., 1984, pp. 208—209. (In Russ.)
 17. *Rezolyutsiya plenuma TsK VKP(b) 10—17 noyabrya 1929 g.* [Resolution of the Plenum of the Central Committee of the CPSU(b) on November 10—17, 1929]. *KPSS v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898—1986)* [The CPSU in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenary Sessions of the Central Committee (1898—1986)]. In 16 vol., vol. 5. 1929—1932. Moscow, Politizdat Publ., 1984, pp. 7—49. (In Russ.)
 18. Skochilova V.G. *Ideologiya v politicheskom protsesse sovremennoy Rossii* [Ideology in the Political Process of Modern Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, no. 3 (11), pp. 76—85. (In Russ.)
 19. Skochilova V.G. *Simvolicheskie struktury politicheskoy ideologii v tsenostnom izmerenii* [Symbolic Structures of Political Ideology in the Value Dimension]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 3 (19), pp. 93—102. (In Russ.)
 20. Uledov A.K. *Obshchestvennaya psikhologiya i ideologiya* [Social Psychology and Ideology]. Moscow, Mysl' Publ., 1985, 272 p. (In Russ.)
 21. Khomyakov S.V. *Sovetskaya ideologiya i fenomen sotsialisticheskogo cheloveka* [Soviet Ideology and the Phenomenon of Socialist Man]. *V mire nauchnykh otkrytiy*, 2015, no. 5.4 (65), pp. 1489—1498. (In Russ.)
 22. Shalin V.V., Grin' M.V. *Fenomen ideologii v makrosotsiologicheskom ras-smotrenii* [The Phenomenon of Ideology in Macrosociological Consideration]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, 2014, no. 21, pp. 220—224. (In Russ.)
 23. Shtompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy* [Sociology of Social Change]. Translation from Eng., ed. by V.A. Yadov. Moscow, Aspekt Press Publ., 1996, 416 p. (In Russ.)
 24. Yakobson P.M. *Psikhologiya chuvstv i motivatsiy* [Psychology of Feelings and Motivations]. Ed. by E.M. Borisova. Moscow, Institut prakticheskoy psikhologii Publ.; Voronezh, MODEK Publ., 1998, 304 p. (In Russ.)